

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
ТЮМЕНСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ВЕСТНИК АРХЕОЛОГИИ, АНТРОПОЛОГИИ
И ЭТНОГРАФИИ

Сетевое издание

**№ 1 (64)
2024**

ISSN 2071-0437 (online)

Выходит 4 раза в год

Главный редактор:

Зах В.А., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН

Редакционный совет:

Молодин В.И., председатель совета, академик РАН, д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН;
Добровольская М.В., чл.-кор. РАН, д.и.н., Ин-т археологии РАН;
Бауло А.В., д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН;
Бороффа Н., PhD, Германский археологический ин-т, Берлин (Германия);
Епимахов А.В., д.и.н., Ин-т истории и археологии УрО РАН;
Кокшаров С.Ф., д.и.н., Ин-т истории и археологии УрО РАН; Кузнецов В.Д., д.и.н., Ин-т археологии РАН;
Лакельма А., PhD, ун-т Хельсинки (Финляндия); Матвеева Н.П., д.и.н., ТюмГУ;
Медникова М.Б., д.и.н., Ин-т археологии РАН; Томилов Н.А., д.и.н., Омский ун-т;
Хлагула И., Dr. hab., ун-т им. Адама Мицкевича в Познани (Польша); Хэнкс Б., PhD, ун-т Питтсбурга (США);
Чикишева Т.А., д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН

Редакционная коллегия:

Дегтярева А.Д., зам. гл. ред., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Костомарова Ю.В., отв. секретарь, ТюмНЦ СО РАН;
Пошехонова О.Е., отв. секретарь, ТюмНЦ СО РАН; Лискевич Н.А., отв. секретарь, к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Агапов М.Г., д.и.н., ТюмГУ; Адаев В.Н., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Бейсенов А.З., к.и.н., НИЦИА Бегазы-Тасмола (Казахстан);
Валь Й., PhD, О-во охраны памятников Штутгарта (Германия); Ключева В.П., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Крийска А., PhD, ун-т Тарту (Эстония); Крубези Э., PhD, проф., ун-т Тулузы (Франция);
Кузьминых С.В., к.и.н., Ин-т археологии РАН; Перерва Е.В., к.и.н., Волгоградский ун-т;
Печенкина К., PhD, ун-т Нью-Йорка (США); Пинхаси Р., PhD, ун-т Дублина (Ирландия);
Рябогина Н.Е., к.г.-м.н., ТюмНЦ СО РАН; Слепченко С.М., к.б.н., ТюмНЦ СО РАН;
Ткачев А.А., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Хартанович В.И., к.и.н., МАЭ (Кунсткамера) РАН

Утвержден к печати Ученым советом ФИЦ Тюменского научного центра СО РАН

Сетевое издание «Вестник археологии, антропологии и этнографии»
зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций; регистрационный номер: серия Эл № ФС77-82071 от 05 октября 2021 г.

Адрес: 625008, Червишевский тракт, д. 13, e-mail: vestnik.ipos@inbox.ru

Адрес страницы сайта: <http://www.ipdn.ru>

© ФИЦ ТюмНЦ СО РАН, 2024

**FEDERAL STATE INSTITUTION
FEDERAL RESEARCH CENTRE
TYUMEN SCIENTIFIC CENTRE
OF SIBERIAN BRANCH
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES**

VESTNIK ARHEOLOGII, ANTROPOLOGII I ETNOGRAFII

ONLINE MEDIA

**№ 1 (64)
2024**

ISSN 2071-0437 (online)

There are 4 numbers a year

Editor-in-Chief

Zakh V.A., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Editorial Council:

Molodin V.I. (Chairman of the Editorial Council), member of the RAS, Doctor of History,
Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russia)

Dobrovolskaya M.V., Corresponding member of the RAS, Doctor of History,
Institute of Archaeology of the RAS (Moscow, Russia)

Baulo A.V., Doctor of History, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russia)

Boroffka N., PhD, Professor, Deutsches Archäologisches Institut (German Archaeological Institute) (Berlin, Germany)

Chikisheva T.A., Doctor of History, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russia)

Chlachula J., Doctor hab., Professor, Adam Mickiewicz University in Poznan (Poland)

Epimakhov A.V., Doctor of History, Institute of History and Archeology Ural Branch RAS (Yekaterinburg, Russia)

Koksharov S.F., Doctor of History, Institute of History and Archeology Ural Branch RAS (Yekaterinburg, Russia)

Kuznetsov V.D., Doctor of History, Institute of Archeology of the RAS (Moscow, Russia)

Hanks B., PhD, Professor, University of Pittsburgh (Pittsburgh, USA)

Lahelma A., PhD, Professor, University of Helsinki (Helsinki, Finland)

Matveeva N.P., Doctor of History, Professor, University of Tyumen (Tyumen, Russia)

Mednikova M.B., Doctor of History, Institute of Archaeology of the RAS (Moscow, Russia)

Tomilov N.A., Doctor of History, Professor, University of Omsk

Editorial Board:

Degtyareva A.D., Vice Editor-in-Chief, Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Kostomarova Yu.V., Assistant Editor, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Poshekhonova O.E., Assistant Editor, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Liskevich N.A., Assistant Editor, Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Agapov M.G., Doctor of History, University of Tyumen (Tyumen, Russia)

Adaev V.N., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Beisenov A.Z., Candidate of History, NITSIA Begazy-Tasmola (Almaty, Kazakhstan),

Crubezy E., PhD, Professor, University of Toulouse (Toulouse, France)

Kluyeva V.P., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Kriiska A., PhD, Professor, University of Tartu (Tartu, Estonia)

Kuzminykh S.V., Candidate of History, Institute of Archaeology of the RAS (Moscow, Russia)

Khartanovich V.I., Candidate of History, Museum of Anthropology and Ethnography RAS Kunstkamera
(Saint Petersburg, Russia)

Pechenkina K., PhD, Professor, City University of New York (New York, USA)

Pererva E.V., Candidate of History, University of Volgograd (Volgograd, Russia)

Pinhasi R., PhD, Professor, University College Dublin (Dublin, Ireland)

Ryabogina N.Ye., Candidate of Geology, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Slepchenko S.M., Candidate of Biology, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Tkachev A.A., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Wahl J., PhD, Regierungspräsidium Stuttgart Landesamt für Denkmalpflege

(State Office for Cultural Heritage Management) (Stuttgart, Germany)

Address: Chervishevskiy trakt, 13, Tyumen, 625008, Russian Federation; mail: vestnik.ipos@inbox.ru

URL: <http://www.ipdn.ru>

Усачук А.Н.^a, Купцова Л.В.^{b, *}^a Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва^b Оренбургский государственный педагогический университет, ул. Советская, 19, Оренбург

E-mail: doold@mail.ru (Усачук А.Н.); orelin.84@mail.ru (Купцова Л.В.)

КОСТЯНЫЕ ИЗДЕЛИЯ ИЗ ПОГРЕБЕНИЯ 9 МОГИЛЬНИКА У ГОРЫ БЕРЕЗОВОЙ (ТРАСОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ И ПОИСК АНАЛОГИЙ)

Анализируются костяные изделия из мужского погребения 9 грунтового могильника у горы Березовой синташтинской культуры, исследованного в Оренбургском Предуралье. Основное внимание уделено костяному предмету дисковидной формы (пряжка): найдены аналогии (в основном в памятниках доно-волжской абашевской культуры), сопоставлены трасологические данные. Выяснено, что изделия схожей морфологии могут быть действительно поясными пряжками, или же выступать в роли украшений/амулетов. Дисковидное изделие из погребения 9 — скорее пряжка, ее обнаружение свидетельствует о межкультурных связях населения, оставившего некрополь, с культурами колесничного круга западных регионов. Астрагал из погребения, вероятно, был игровой/гадальной костью. Функциональное назначение суставного угла лопатки не определено, аналогии ему не найдены, но очерчен их возможный круг.

Ключевые слова: Оренбургское Предуралье, синташтинская культура, доно-волжская абашевская культура, костяная пряжка, трасологический анализ, астрагал, лопатка животного.

Введение

В начале 2000-х гг. отрядами Оренбургской археологической экспедиции (ОАЭ) в Октябрьском районе Оренбургской области был изучен могильник у горы Березовой — грунтовой некрополь синташтинской культуры, материалы которого частично опубликованы [Халяпин, 2001, 2005]. Некрополь датируется XX–XVIII вв. до н.э., что подтверждается в том числе результатами радиоуглеродного датирования [Купцова, Халяпин, 2023]. Всего в могильнике было обнаружено 16 захоронений, 12 из которых имеют синташтинскую культурную принадлежность. Интересной особенностью памятника являлось то, что помимо синташтинских захоронений здесь были выявлены 4 комплекса, совершенных согласно сейминско-турбинской погребальной традиции и содержавших сейминско-турбинский инвентарь [Там же]; к таким комплексам относится погребение 9, костяной инвентарь из которого анализируется в настоящей статье (рис. 1). В п. 9 (рис. 1, 1), помимо сейминско-турбинских ножей и наконечника стрелы (рис. 1, 6, 7, 8), была выявлена посуда, характерная для культур колесничного круга позднего бронзового века (рис. 1, 2, 9), и 3 костяных предмета: пряжка (подчеркнем, что термин «пряжка» рабочий и применяется без кавычек практически везде по тексту, даже если речь идет и о каких-то украшениях, похожих на пряжки), астрагал мелкого рогатого скота (МРС) и фрагмент суставного угла лопатки (рис. 1, 3–5). Трасологическому анализу и поиску аналогий этих изделий и посвящена настоящая работа.

Трасологический анализ пряжки из погребения 9 могильника у горы Березовой

Костяная пряжка дисковидной формы (рис. 1, 3) (D диска 5,1–5,2 см, толщина от 0,2 до 0,4 см) с центральным (D 1,2 см) и двумя периферийными отверстиями (D 3 мм) обнаружена под сосудом, находившимся справа от черепа погребенного (рис. 1, 1, 2). Она, а также астрагал и суставной угол лопатки были трасологически обработаны 31 июля 2002 г. А.Н. Усачуком в лагере Оренбургской археологической экспедиции, через два дня после ее обнаружения, тогда же сделан ее рисунок. Ввиду полевых условий использовался портативный контактный микроскоп «Микко».

Сырьем для изготовления пряжки послужил фрагмент тела лопатки крупного копытного. Локально в середине кости прослеживается губчатый слой. Внешняя и внутренняя стороны изделия могут быть определены формально, настолько они похожи. Чуть-чуть более выпуклая и чуть более обработанная и сработанная сторона обозначена как А, соответственно обратная сторона пряжки — Б.

* Corresponding author.

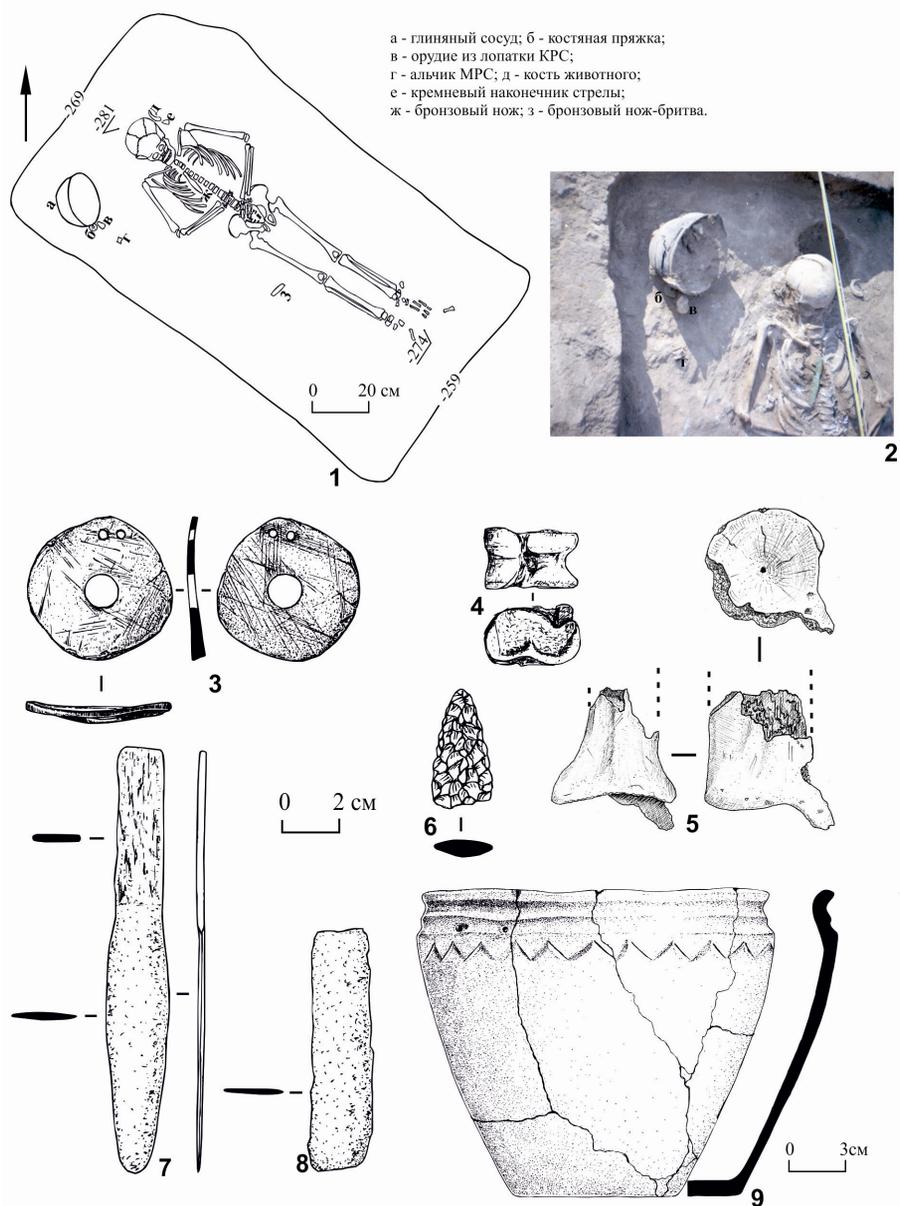

Рис. 1. Могильник у горы Березовой. Погребение 9:

1 — план погребения; 2 — взаиморасположение пряжки, астрагала и суставного угла лопатки (фото А.Н. Усачука 29.07.2002); 3 — костяная пряжка; 4 — астрагал; 5 — суставной угол лопатки; 6 — кремневый наконечник стрелы; 7, 8 — бронзовые ножи; 9 — керамический сосуд.

Fig. 1. The burial ground next to the Berezovaya Mountain. Burial 9:

1 — burial plan; 2 — mutual arrangement of the buckle, astragalus and articular angle of the shoulder blade (photo by A.N. Usachuk, July 29, 2002); 3 — bone buckle; 4 — astragalus; 5 — articular angle of the shoulder blade of the animal; 6 — flint arrowhead; 7, 8 — bronze knives; 9 — ceramic vessel.

На стороне А вся поверхность сохранила следы разных мелкозернистых абразивов, идущие во всех направлениях (рис. 2, 1А) (иногда следы абразива настолько тонкие и слабые, что видны только при изменении угла освещения при осмотре изделия под увеличением, на рисунке такие следы не показаны).

Чуть грубее и интенсивнее абразив в районе маленьких отверстий (рис. 2, 1Б). На стороне Б — та же картина, но интенсивность абразивных следов немного меньше, а их направления чуть менее разнообразны. Наибольшее количество следов абразива сосредоточено на одной половине стороны Б (рис. 2, 1В). Еще один участок (рис. 2, 1Г) — в районе маленьких отверстий. В целом, складывается впечатление, что плоскую кость тщательно обрабатывали на пас-

Костяные изделия из погребения 9 могильника у горы Березовой...

сивных абразивах разной зернистости не только до изготовления отверстий, но и до придания заготовке круглой формы. После уплощения и выравнивания поверхностей заготовки на абразиве человек, изготавливавший пряжку, стал делать ее круглой. На торцах — остатки следов резки лезвием (скорее всего, металлическим), края неровные (рис. 2, 1Д): пряжка была вырезана, но не особенно тщательно. А вот большое отверстие вырезано аккуратно. Вероятно, вместе с большим отверстием изготовлены и маленькие. Они не просверлены, а вырезаны со стороны Б — чуть на конус. Интересно, что после изготовления отверстий (по крайней мере, большого) опять подчищали поверхность пряжки: вокруг центрального отверстия на стороне А сохранились локальные очень слабые дуговидные следы (рис. 2, 1Е) теперь уже активного мелкого абразива.

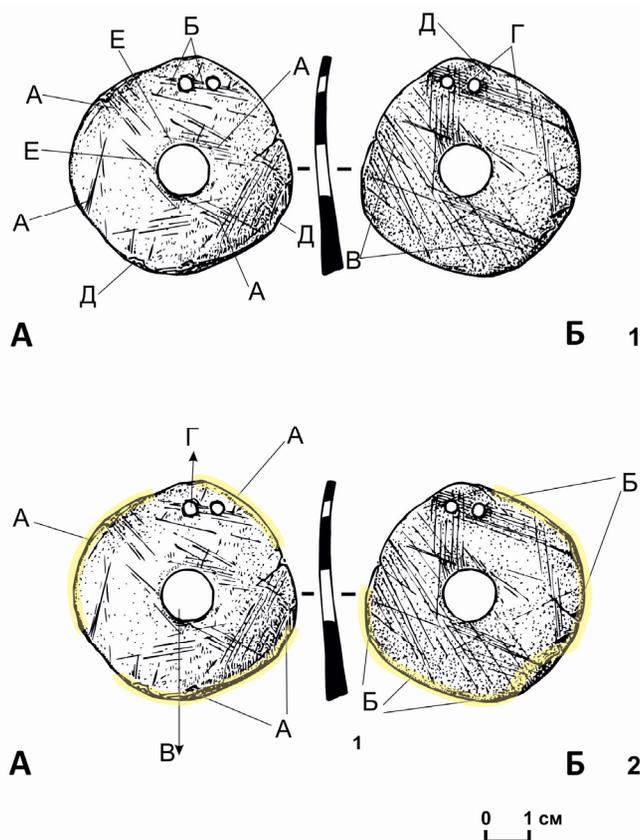

Рис. 2. Костяная пряжка из погребения 9 могильника у горы Березовой:

1 — схема следов изготовления, 2 — схема следов использования.

Fig. 2. Bone buckle from burial 9 of the burial ground near the mountain Berezovaya:

1 — traces of manufacture, 2 — traces of use.

Следы сработанности на изделии немногочисленны. Обе стороны пряжки залощены, причем к краям залощенность становится сильнее, переходя в заполировку и нитевидное обесцвечивание (рис. 2, 2А, Б). Мелкие сколы на краях пряжки залощены. Канал большого отверстия слегка завальцован. На стороне А чуть-чуть больше сработанность участка отверстия (рис. 2, 2В, стрелка). По краям маленьких отверстий с обеих сторон отслоились микроучастки компакты, но следы сколов завальцованы. Как и с большим отверстием, также чуть-чуть больше сработан край одного из маленьких отверстий (рис. 2, 2Г, стрелка).

Для изготовления различных пряжек в качестве сырья служили фрагменты компактного слоя трубчатых костей крупных копытных либо рог [Усачук, Литвиненко, 1997, с. 46; 2001, с. 110; Усачук, 1998b, с. 128; 2011, с. 210; 2013b, с. 172; 2015, с. 30; 2016, с. 23; Савва, 1992, с. 42, 45; Отрощенко, 2001, с. 74; Панковський, 2015, с. 33–34, 46–47]. Плоские кости животных для этого применялись редко, и в случае с выбором сырья березовской пряжки мы, возможно, видим работу неспециалиста, над которым не довлели стереотипы профессиональной выучки. Впрочем, для «круглых плоских блях» В.С. Бочкарев еще в первой половине 1960-х гг. предполагал в качестве сырья применение, скорее всего, лопаток животных [1963–1964, л. 3].

На березовском экземпляре прослеживаются некоторые стадии процесса изготовления полюбых изделий: выделка пластины, оформление щитка-1 (с обеих сторон заготовки до отверстий), изготовление отверстий, оформление щитка-2 (после того как отверстия готовы) [Панковський, 2015, табл. 1]. Как правило, одна из последних операций (часто последняя) — изготовление маленького отверстия [Усачук, Литвиненко, 1997, с. 48; Усачук, 1998b, с. 129–130, табл. 1; 2013b, с. 172–173; Панковський, 2015, табл. 1]. Возможно, обработка мелким абразивом участков вокруг центрального отверстия (рис. 2, 1E) проведена после того, как были прорезаны маленькие отверстия, и в таком случае появление двух маленьких отверстий — предпоследняя операция по изготовлению березовской пряжки.

Аналогичные изделия и их трасология

Небольшое количество следов сработанности не дает возможности однозначно решить, пряжка ли найдена в п. 9 могильника у горы Березовой. По классификации В.С. Бочкарева пряжка из п. 9 относится к III группе — «круглые плоские бляхи с двумя периферийными отверстиями» [Бочкарев, 1963–1964, л. 3], по Р.А. Литвиненко — к 1 типу его классификации — крупные диски с центральным и двумя периферийными отверстиями [Литвиненко, 2001, с. 90]. В качестве аналогий им приведены подобные крупные плоские пряжки из Покровска, к. 35 п. 2, Аткарска, к. 27, и Синташты СМ, п. 30 (Р.А. Литвиненко считает, что аткарская и покровская пряжки маркируют восточную границу доно-волжской абашевской культуры — ДВАК) [2001, рис. 2, 1–3]. Обратим внимание, что крупные плоские круглые пряжки разных регионов сравнивает между собой и Ю.П. Матвеев [1996, рис. 3], приводя изделия из Аткарска и Покровска [1996, рис. 3, 2, 8] в одной иллюстрации с такими же среднедонскими пряжками: Орлиное Болото, к. 2 п. 1, Селезни, к. 2 п. 4, Богоявленка, к. 1 п. 1, Кондрашевка [Матвеев, 1996, рис. 3, 1, 3, 6, 7]. Р.А. Мимоход рассматривает и синташтинские большие плоские изделия, и такие же с более западных территорий в рамках одной линии развития пряжек — северной [2011, с. 201, 203, рис. 2].

Изделие из Покровска найдено в 1927 г. П.С. Рыковым «в поясной части скелета» [Сагайдак, 1975, с. 162]. Обратим внимание на то, что маленькие отверстия на одной стороне имеют следы сработанности/потертости, идущие к краю щитка под углом [Литвиненко, 2001, рис. 2, 1]. К слову, такая система желобков от потертостей сохранилась в районе маленьких отверстий еще одного изделия, аналогичного Березовскому, — пряжки из материалов поселения Копыл 1 на Среднем Дону [Сагайдак, 1975, с. 162].

Фрагмент пряжки из п. 30 большого грунтового могильника Синташты располагался «за сосудами» возле юго-западной стенки ямы в группе с парой псалий и костяным изделием [Генинг и др., 1992, с. 208]; как было отмечено выше, березовский предмет также был размещен рядом с керамическим сосудом.

Еще одна находка, напоминающая плоскую пряжку с центральным большим и одним периферийным маленьким отверстием, происходит из к. 4 п. 3 могильника Каменный Амбар-5 [Епимахов, 2005, рис. 78, 17]. Морфологически изделие похоже на покровскую, синташтинскую и аткарскую (см. далее) плоские пряжки, но меньше их по диаметру (4,4 см) и площади щитка, а главное — по диаметру центрального отверстия (0,7 см) [Епимахов, 2005, с. 102]. На наш взгляд, каменноамбарская находка не пряжка [Там же, с. 158], а как раз — небольшой медальон-украшение.

Остановимся подробнее на пряжке из к. 27 Аткарского могильника [Арзютов, 1936, с. 100]. Эта находка трасологически обработана 22 сентября 1998 г. в Саратовском областном музее краеведения. Несмотря на то что пряжка за долгие годы после ее находки была не раз зарисована, для удобства работы с костяным предметом тогда же был сделан А.Н. Усачуком и новый рисунок (рис. 3, 1). Сырье — пластина кости, около маленьких отверстий на заготовке остался участок губчатого слоя (рис. 3, 2А). Скорее всего, и здесь была выбрана плоская кость тела лопатки крупного копытного, которую распустили надвое. Толщина компакты одной стороны лопатки крупного копытного доходит до 0,5–0,6 см — вполне достаточно для диска аткарской пряжки, толщина которой чуть меньше 0,3 см. По сравнению с березовской, аткарская пряжка сделана более аккуратно, край щитка с внешней стороны слегка заострен (рис. 3, 2Б) при помощи мелкого абразива. Большое и маленькие отверстия просверлены, но здесь чувствуется некоторая небрежность: отверстие в щитке слегка не по центру, маленькие отверстия на неравном расстоянии от края пряжки. Ярко выраженных следов эксплуатации нет. Обе плоскости пряжки заглажены, скорее всего, преднамеренно. Как и на березовской, к краям щитка залощенность становится немного сильнее, превращаясь в нитевидную, но интенсивность этой залощенности менее выражена по сравнению с березовской пряжкой. Более интенсивно залощен участок торца изделия напротив маленьких

отверстий (рис. 3, 2B). Легкая залощенность канала большого отверстия сочетается с чуть большей залощенностью вокруг большого отверстия. Сработанности маленьких отверстий нет. Как оказалось, аткарская пряжка сработана еще меньше, чем березовская находка, и теперь мы не можем однозначно сказать, относятся ли к поясным пряжкам оба изделия.

Скудные трасологические данные по березовской и аткарской находкам можно попытаться увеличить, собрав информацию по таким же крупным плоским круглым пряжкам междуречья Волги и Среднего Дона. Но, прежде чем привести трасологические данные, подчеркнем, что еще А.М. Тальгрэн задавался вопросом, не амулеты ли эти «disques en os», хотя сам же сомневался в своем предположении [Tallgren, 1926, p. 104]. Сейчас такие находки воспринимаются и как поясные пряжки [Усачук, 1998b, с. 131; Мимоход, 2011, с. 201], и как привески «на пояс или другие части одежды» [Литвиненко, 2001, с. 93] или «бляхи-медальоны» [Литвиненко, 2004, с. 260, 273, 276, 277], «диски-медальоны» [Литвиненко, 2004, с. 277], часть подобных изделий «могла использоваться и как своеобразное украшение одежды» [Усачук, 1998а, с. 36], в том числе пояса, причем подобные украшения вполне могут быть «сакрально и/или социально значимыми» [Литвиненко, 2004, с. 277], быть знаком социальной принадлежности [Братченко, 1995, с. 23].

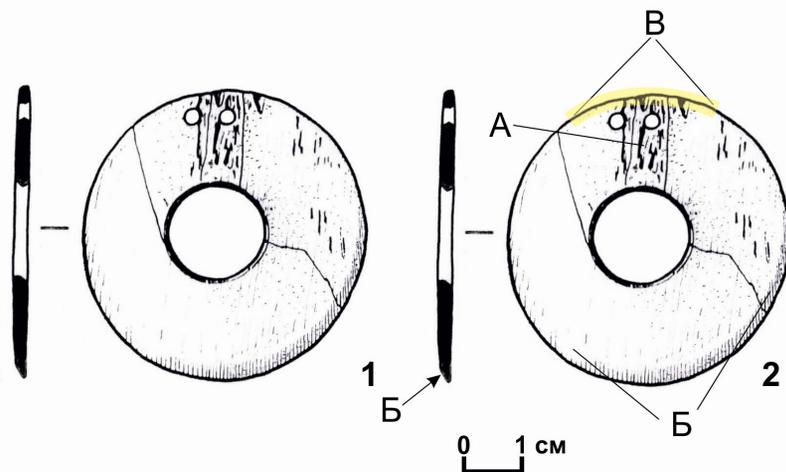

Рис. 3. Костяная пряжка из кургана 27 Аткарского могильника:
1 — рисунок пряжки; 2 — схема следов изготовления и использования.

Fig. 3. Bone buckle from mound 27 of the Atkar burial mound:
1 — buckle pattern; 2 — traces of manufacture and traces of use.

На сегодняшний день в разное время трасологически изучено 8 экз. таких пряжек: Орлиное Болото, к. 2 п. 1 (рис. 4, 1), Кондрашевка (Нижняя Ведуга), к. 2 (рис. 4, 2), Селезни, к. 2 п. 4 (рис. 5, 1), Селезни-2 (3 экз.) (рис. 5, 2–4) [Усачук, 1998а, с. 35–36], Рождествено, к. 4 п. 2 (рис. 4, 3) [Скоробогатов и др., 2016, с. 71], Лесопитомник-4 (рис. 4, 4) [Усачук, 2011, с. 210]. К ним примыкает девятая — не плоская, а слегка изогнутая в профиле пряжка из п. 2 кургана 1 у с. Большая Плавица (рис. 4, 5) [Мельников, 2003, рис. 2, 2]. Восемь изделий происходит из памятников доново-волжской абашевской культуры. Исключение представляет фрагмент пряжки из слоя поселения Лесопитомник-4, культурная принадлежность которого определяется как срубная [Гак, 2011, с. 45–46], что, однако, не свидетельствует о принадлежности данного изделия к срубной археологической культуре.

В качестве сырья использовались в основном пластины кости животных. В отношении пряжки из Кондрашевки (Нижней Ведуги) (рис. 4, 2) существуют некоторые сомнения (кость?). Из рога *Cervidae* изготовлено лишь изделие с поселения Лесопитомник-4 [Усачук, 2011, с. 210]. Операции изготовления всех пряжек похожи: использование пассивных и активных мелких абразивов, причем до и после изготовления отверстий. В этом отношении весьма показательна заготовка пряжки из п. 4 к. 1 могильника Селезни-2 (рис. 5, 3). Пластина заметно толще таких же готовых изделий и должна еще долго и тщательно обрабатываться разными абразивами, но отверстия в заготовке уже просверлены [Пряхин и др., 1998, рис. 12, 12; Усачук, 1998а, с. 36].

Отверстия большие и маленькие изготовлены путем сверления, причем иногда фиксируются небольшие ошибки в начале сверления и попытки мастеров исправить эти ошибки, передвинув сверло (изделие из Кондрашевки (Нижней Ведуги) и готовая пряжка из п. 4 к. 1 группы Селезни-2)

[Усачук, 1998а, с. 36]. Возможно, иногда в таких пряжках делали специальный желобок между маленькими отверстиями [Там же, с. 36]. В конце процесса изготовления пряжки (если не все, то многие) полировались в той или иной степени. В подобной обработке просматривается, видимо, желание сделать изделие с большим по площади щитком более красивым.

Разумеется, некоторые детали изготовления отличают пряжки лесостепного Дона от березовского изделия: более аккуратная резка круглого щитка, часто — заострение края щитка, наличие одного маленького отверстия на некоторых экземплярах, применение сверла при изготовлении отверстий. Но в целом процесс изготовления таких изделий на разных территориях следует признать очень близким.

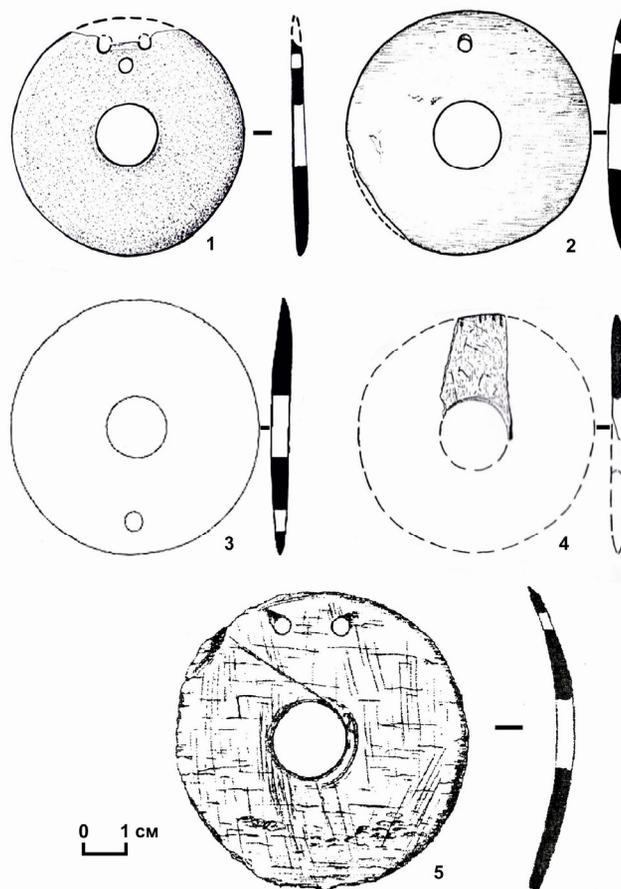

Рис. 4. Костяные пряжки:

- 1 — курганный могильник Орлиное Болото, к. 2 п. 4; 2 — курганный могильник Кондрашевка (Нижняя Ведуга), к. 2;
3 — курганный могильник Рождествено, к. 2 п. 4; 4 — поселение Лесопитомник-4;
5 — курганный могильник у с. Большая Плавица, к. 1 п. 2.

Fig. 4. Bone buckles:

- 1 — Eagle Swamp burial mound, mound 2 grave 4; 2 — Kondrashevka burial mound (Lower Veduga), mound 2;
3 — Rozhdestveno burial mound, mound 2 grave 4; 4 — Lesopitomnik-4 settlement;
5 — mound near the village of Bolshaya Plavitsa, mound 1 grave 2.

Пряжки или украшения?

В отношении следов использования анализ 9 изделий показал довольно пеструю картину. Не вдаваясь в подробности по каждой находке, охарактеризуем конечный результат: опираясь на трасологические данные, поясными пряжками следует считать изделия Орлиного Болота (рис. 4, 1), к. 2 п. 1, Селезней, к. 2 п. 4, Селезней-2, к. 1 п. 3 (по трасологическим данным для этой пряжки была реконструирована, на наш взгляд, слишком сложная система крепления [Василенко, 2005, рис. 3, с. 80–81]) (рис. 5, 1, 2), Рождествено, к. 4 п. 2 (рис. 4, 3). Последнюю использовали недолго, это было изделие, образно говоря, «на грани» пряжки/украшения. Изделие из к. 1 п. 3 курганной группы Селезни-2 использовали дольше, но и его можно назвать «скорее

всего, пряжкой». Для находок Кондрашевки (Нижняя Ведуга), к. 2, Большой Плавицы, к. 1 п. 2, трасологических данных не хватает даже для того, чтобы определить эти изделия как пряжка/украшение. Поэтому считать их пряжками у нас нет обусловленных трасологией оснований, но однозначно и нельзя сказать, что это какие-то украшения. Что касается заготовки из к. 1 п. 4 Селезней-2 (рис. 5, 3), то в свое время удержаться от того, чтобы считать это изделие каким-то украшением, одного из авторов заставил небольшой снивелированный и залощенный участок шириной 1,2 см на краю щитка напротив двух маленьких отверстий [Усачук, 1998а, с. 36, рис. 19, а]. Отсутствие сработанности центрального отверстия привело тогда к выводу, что лощение и нивелировка маленького участка на краю диска заготовки сделаны специально [Там же, с. 36], но для чего это было сделано, нам неясно до сих пор. Однако надо было тогда уже обратить внимание на выводы Г.Н. Поплевко, которая, трасологически изучая пряжки западной части бабинского мира, отметила, что «следы в виде более сильной заполированности отдельных участков... имеют не функциональное происхождение, а являются результатом технологического процесса» [Савва, 1992, с. 135; 1988, с. 66; Панковський, 2015, с. 24]. Этот вывод не приблизил нас к пониманию, зачем на заготовке из Селезней-2 нужно было отдельно обрабатывать небольшой участок края диска, но дал возможность не связывать эту сработанность напротив системы из двух маленьких отверстий с каким-то непонятым использованием заготовки в качестве пряжки и считать находку из п. 4 своеобразным украшением одежды или бляхой-медальоном. Не является пряжкой и фрагмент костяного диска с отверстиями из того же п. 4 к. 1 группы Селезни-2 (рис. 5, 4): сочетание слабой чуть-чуть видимой нитевидной заполировки вокруг центрального отверстия со сверхсработанностью системы из двух маленьких отверстий [Усачук, 1998b, с. 36] заставляет считать это изделие бляхой-медальоном (ср.: [Литвиненко, 2004, с. 277, прим. 12]). Фрагмент дисковидного изделия из Лесопитомника-4 (рис. 4, 4) был изначально определен как бляха-медальон [Усачук, 2011, с. 210–211].

Обзор даже тех волго-донских комплексов, из которых крупные плоские круглые изделия с отверстиями прошли трасологический анализ, показывает интересные линии сближения: подавляющее большинство этих комплексов имеют богатый инвентарь, в том числе металлические или связанные с литьем металла предметы [Tallgren, 1926, p. 70, 72; Пряхин и др., 1998, с. 17, 18, 21; и др.], а также щитковые псалии (ср.: [Литвиненко, 2004, с. 267–270], а 4 комплекса (Селезни-2, к. 1 п. 3 и п. 4, Рождествено, к. 4 п. 2, Большая Плавица, к. 1 п. 2) — кенотафы. Не уступает по этим показателям и п. 9 могильника у горы Березовой: здесь также обнаружен разнообразный инвентарь, в том числе металлический, а сам комплекс, как уже упоминалось выше, характеризуется смешением традиций сейминско-турбинских и культур колесничного круга.

Из четырех волго-донских комплексов, в которых находились, судя по трасологическим данным, поясные пряжки, в двух они лежали у левого крыла таза (Орлиное Болото, к. 2 п. 1) и на левой тазовой кости (Селезни, к. 2 п. 4) [Моисеев, 1998, рис. 11, 1; Литвиненко, 2004, рис. 1, 18, 24–25]. Скорее всего, сочетание положения этих крупных плоских изделий и выводов по трасологическому анализу однозначно свидетельствует, что перед нами поясные пряжки. Впрочем, мы отдаем себе отчет в том, что наличие пряжки в районе тазовых костей еще не является стопроцентным свидетельством того, что она поясная [Савва, 1988, с. 65–66; 1992, с. 135; Литвиненко, 2004, с. 275–276]. В то же время и безусловно поясные пряжки (т.е. сами пояса) могут в погребении занимать любое место (например, крючково-планочные пряжки) — манипуляции с поясами общеизвестны [Бочкарев, 1963–1964, л. 22; Братченко, 1985, с. 453; Литвиненко, 2004, с. 276–277; Мимоход, 2013, с. 109; <https://www.youtube.com/watch?v=ds4dK5L96FI&t=2242s,00:16:10-00:16:32>; и др.].

Таким образом, обращение к целой группе трасологически изученных волго-донских аналогов березовскому костяному изделию не помогло прояснить ситуацию — поясная ли пряжка найдена в п. 9. На сегодняшний день, даже с привлечением трасологических данных, мы видим, что изделия, подобные березовскому, могут быть и пряжками, и украшениями/медальонами.

В качестве возможного сравнения можно посмотреть на действительно костяные подвески (тип Элиста-Калиновский), которые были выделены, помимо пряжек, в материалах лолинской и невинномысской культур [Калмыков, Мимоход, 2005, с. 228–229; Мимоход, 2013, с. 125–128; Мимоход и др., 2022, с. 26]. По диаметру щитка лолинские и невинномысские подвески и изделия типа березовского с аналогиями близки [Мимоход, 2013, с. 130], но практически все подвески изогнуты [Мимоход, 2013, с. 130] (среди используемых нами находок междуречья Волги и Среднего Дона немного изогнуто только изделие из Большой Плавицы). Главное же — на подвесках слишком маленькое центральное отверстие [Калмыков, Мимоход, 2005, рис. 13, 2, 3;

Мимоход, 2013, рис. 60, 9–13], чтобы использовать его для захлестывания ремня [Мимоход, 2013, с. 125], и сырье — фрагменты черепной крышки человека [Мимоход, 2013, с. 125] — резко отличается от сырья «березовской» серии.

Если говорить о размерах, то следует отметить разницу в них у кольцевидных подвесок и поясных пряжек в ряде культур Центральной и Южной Европы [Мимоход, 2020, с. 313; <https://www.youtube.com/watch?v=ds4dK5L96FI&t=2242s>, 00:16:48–00:24:50]. Размеры бабинских пряжек, не говоря о крупных плоских дисках ДВАК, вполне подходят именно под поясные пряжки, хотя близкие размеры щитков подвесок типа Элиста-Калиновский и «березовской» серии костяных изделий свидетельствуют о том, что часть «пряжек» могла использоваться и как подвески, амулеты, медальоны — собственно, что и показывает проведенный трасологический анализ. Многолетняя работа одного из авторов с немногим более двух сотен костяных изделий разных культур, которые объединяются рабочим термином «пряжки», привела к выводу, что большинство из них — поясные (ср.: [Бочкарев, 1963–1964, л. 18, 20–21, 23]) и только незначительная часть — возможные подвески-медальоны, бляхи или украшения одежды [Отрощенко, 1998, с. 113; Усачук, 1998b, с. 134–135; Мимоход, 2013, с. 110, 126; <https://www.youtube.com/watch?v=ds4dK5L96FI&t=2242s>, 00:13:54–00:16:42; и др.].

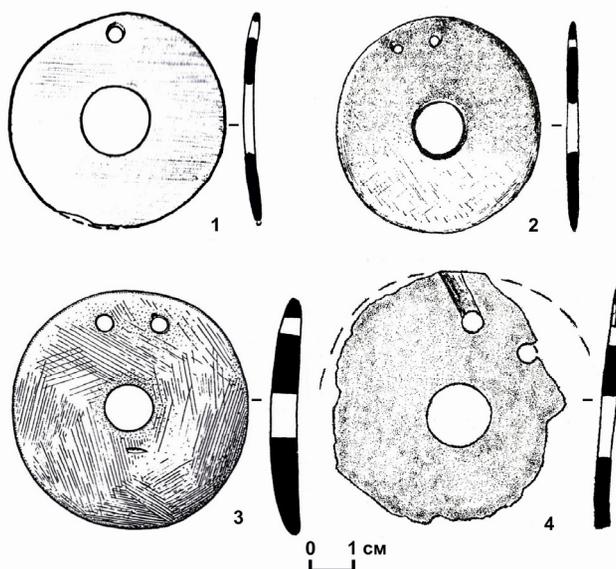

Рис. 5. Костяные пряжки:

1 — курганный могильник Селезни, курган 2 погребение 4; 2–4 — курганный могильник Селезни-2: курган 1 погребение 3; курган 1 погребение 4 (пряжка 1), курган 1 погребение 4 (пряжка 2).

Fig. 5. Bone buckles:

1 — Selezni burial mound, mound 2, grave 4; 2–4 — burial mound Selezny-2: mound 1, grave 3; mound 1, grave 4 (buckle 1), mound 1, grave 4 (buckle 2).

Другие костяные изделия из погребения 9

Помимо пряжки, в п. 9 среди костяного инвентаря присутствуют правый астрагал МРС (рис. 1, 4) и суставной угол лопатки крупного копытного, скорее всего крупного рогатого скота (КРС) (рис. 1, 5).

Астрагалы давно и прочно занимают значительное место в изучении погребального инвентаря культур бронзового века [Ковалева, 1990; Цимиданов, Чаур, 1997; Цимиданов, 1998; 2001, с. 215–229; Марков, 2002; Литвиненко, 2005; Панковський, 2012, с. 84–87; Грищук, 2013; Усачук, Панасюк, 2014; и др.]. Изучение березовского астрагала 31 июля 2001 г. показало, что на выступающих гранях есть легкая нитевидная залощенность. Это не орудие, но, возможно, игральная/ гадальная кость, немного залощенная кожей рук тех, кто астрагал использовал.

В отношении лопаток животных в культурах бронзового века историографический шлейф не столь длинный [Подобед и др., 2015, с. 127–128], разве что особо следует выделить изучение вопроса об использовании в погребальном обряде лолинской культуры лопаток МРС [Мимоход, 2013, с. 39–44], применение лопаток в качестве различных орудий [Андросов, 1984, с. 98, 100–101; Усачук, 1993, с. 135–137, 143; 2013а, с. 340–342; Панковський, 2003; Ромашко, 2013, с. 110–111; Заго-

Костяные изделия из погребения 9 могильника у горы Березовой...

родня, 2014, с. 126, 133, 147–149; Рафикова и др., 2019, с. 94; и др.], использование лопаток для гадания [Chouke, 2010, p. 200; Кореневский, 2011, с. 148; Подобед и др., 2015, с. 141–142; и др.] или по принципу *pars pro toto* для обозначения целого животного [Куприянова, Зданович, 2015, с. 121–122]. Фрагмент суставного угла лопатки из п. 9 сохранился очень плохо. Следов резания или пиления нет, суставной угол был отделен от тела лопатки обычной расколкой. Следы залощенности на поверхности компакты тоже отсутствуют. Однако в отношении использования фрагмента лопатки вместе с плоской пряжкой в погребальном обряде п. 9 могильника у горы Березовой вырисовывается интересная параллель с не раз уже упоминавшимся выше п. 2 к. 1 из Большой Пластицы. Там с погребением-кенотафом, в южной части ямы которого лежала пряжка, связан жертвенник № 4 — яма, заполнение которой насыщено углями, кусочками кальцинированных костей и древесными волокнами. В яме выявлена лопатка КРС ([Мельников, 2003, с. 244]; ср.: [Подобед и др., 2015, с. 129]. Разумеется, такого сопоставления явно недостаточно для каких-либо выводов, но, возвращаясь к березовскому комплексу, заметим, что вряд ли фрагмент суставного угла лопатки оказался в погребении случайно, тем более рядом с пряжкой.

Заключение

Костяная пряжка из погребения 9 могильника у горы Березовой большую часть аналогий находит к западу от территории ее обнаружения — в памятниках ДВАК. Рассмотрев доступные трасологические данные, мы склоняемся к выводу, что перед нами все-таки поясная пряжка (центральное отверстие стоит в начале стандартных размеров именно пряжек для пояса), причем изготовленная не специалистом-косторезом, а наспех, в силу каких-то сиюминутных обстоятельств. Обнаружение изделия «западной» морфологии в синташтинском некрополе может быть объяснено следующим образом: изделие было изготовлено на месте выходцем из доно-волжской абашевской культурной среды или это «импорт» с территории волжских и донских культур колесничного круга. В любом случае пряжка демонстрирует межкультурные связи западной направленности в среде населения, оставившего некрополь. Косвенно подтверждает «западную» версию происхождения пряжки и помещенный в захоронение сосуд, так как он не является классическим синташтинским, а по таким признакам, как подколоколовидность тулова, орнаментация каннелюрами и зигзагом в верхней части, также тяготеет к гончарной традиции ДВАК. Таким образом, погребение 9, выявленное в приуральском синташтинском некрополе, демонстрирует как восточную линию взаимодействия (с носителями сейминско-турбинских традиций), так и западную — с представителями ДВАК.

Астрагал, найденный в захоронении, мог использоваться как гадальная/игральная кость. Функциональное назначение суставного угла лопатки крупного копытного осталось неизвестным. В целом, следует признать, что погребение 9 могильника у горы Березовой в отношении костяных вещей оказалось очень интересным комплексом и потенциал его костяного инвентаря, возможно, еще не исчерпан.

Благодарности. Авторы благодарят В.С. Бочкарева за возможность работы с его личным рукописным архивом.

Финансирование. Работа выполнена за счет средств гранта РФ № 23-68-10006 «Этнокультурные процессы в бронзовом и раннем железном веке в свете междисциплинарных исследований в Южном Приуралье».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Андросов А.В.* Об одной из категорий орудий труда эпохи бронзы // Проблемы археологии Поднепровья III–I тыс. до н. э. Днепропетровск: ДГУ, 1984. С. 97–105.
- Арзютов Н.К.* Аткарский курганный могильник, раскопки 1928–30 гг. // Известия Саратовского Нижневолжского Института Краеведения им. М. Горького. Саратов: Саратовское краевое изд-во, 1936. Т. VII. С. 86–101.
- Братченко С.Н.* Культура многоваликовой керамики // Археология Украинской ССР. Т. 1. Первобытная археология. К.: Наук. думка, 1985. С. 451–458.
- Василенко А.И.* Реконструкция крепления и назначения пряжек эпохи средней — поздней бронзы (в связи с трасологическими исследованиями А.Н. Усачука) // Проблемы эпохи бронзы Великой Степи. Луганск: Глобус, 2005. С. 71–110.
- Гак Е.И.* Поселения эпохи бронзы на северной окраине донской лесостепи. М.: ГИМ, 2011. 224 с.
- Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В.* Синташта: Археологические памятники арийских племен Урало-Казхастанских степей: В 2 ч. Ч. 1. Челябинск: Южно-Уральское книжное издательство, 1992. 408 с.
- Грищук О.М.* Астрагали як елемент поховального обряду населення Дніпро-Донської бабинської культури // Донецький археологічний збірник. Донецьк: Вид-во Донецького ун-ту, 2013. № 17. С. 24–34.

Епимахов А.В. Ранние комплексные общества севера Центральной Евразии (по материалам могильника Каменный Амбар-5). Челябинск: Челябинский дом печати, 2005. Кн. 1. 192 с.

Загородняя О.Н. Орудия металлопроизводства бережново-маевской срубной культуры (по материалам Картамышского археологического микрорайона): Дис. ... канд. ист. наук. К., 2014. 363 с.

Калмыков А.А., Мимоход Р.А. Роговые и костяные поясные пряжки и подвески лолинской культуры // Матеріали та дослідження з археології Східної України. Луганськ: Вид-во СНУ ім. В. Даля, 2005. Вип. 4. С. 201–234.

Ковалева И.Ф. Срубные погребения с наборами альчиков // Исследования по археологии Поднепровья. Днепропетровск: Изд-во Днепр. ун-та, 1990. С. 59–71.

Кореневский С.Н. Феномен власти и его символы на долгом пути к государственности: (Теория и практика исследования) // Stratum plus. 2011. № 2. С. 143–166.

Куприянова Е.В., Зданович Д.Г. Древности лесостепного Зауралья: Могильник Степное VII. Челябинск: Энциклопедия, 2015. 196 с.

Купцова Л.В., Халяпин М.В. Погребения с сейминско-турбинским инвентарем из Оренбургского Предуралья: Хронологический, палеодиетический и миграционный аспекты // Археология Евразийских степей. 2023. № 3. С. 235–248. <https://doi.org/10.24852/2587-6112.2023.3.235.248>

Литвиненко Р.А. О так называемых «поясных пряжках» в памятниках бронзового века Волго-Уралья // XV Урал. археол. совещание: Тезисы докладов междунар. науч. конф. Оренбург: Оренбургская губерния, 2001. С. 90–93.

Литвиненко Р.А. «Пряжки» и колесничество: Проблема соотношения // Матеріали та дослідження з археології Східної України. Луганськ: Вид-во СНУ ім. В. Даля, 2004. Вип. 2. С. 257–290.

Литвиненко Р.О. Поховання культурного кола Бабине з астрагалами // Древности 2005. Харьков: ХИАО: НМЦ «МД», 2005. С. 74–86.

Марков С.С. Астрагалы в погребальной обрядности эпохи бронзы Южного Зауралья // Вестник Общества открытых исследований древности: Науч. альманах. Челябинск, 2002. Вып. 1. С. 39–48.

Матвеев Ю.П. Костяные пряжки и относительная хронология культур эпохи бронзы Донецко-Волжского региона // Доно-Донецкий регион в системе древностей эпохи бронзы восточноевропейской степи и лесостепи: Тезисы докладов и материалы конф. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1996. С. 27–33.

Мельников Е.Н. Покровско-абашевские погребения кургана у с. Большая Плавица // Абашевская культурно-историческая общность: Истоки, развитие, наследие: Материалы междунар. науч. конф. Чебоксары, 2003. С. 239–247.

Мимоход Р.О. Кістяні та рогові пряжки фіналу середньої – початку пізньої бронзи у Східній Європі та на Кавказі як хронологічні індикатори та свідчення культурних контактів // Матеріали та дослідження з археології Східної України. Луганськ: Вид-во СНУ ім. В. Даля, 2011. Вип. 11. С. 201–216.

Мимоход Р.А. Лолинская культура: Северо-западный Прикаспий на рубеже среднего и позднего периодов бронзового века // Материалы охранных археологических исследований. М.: ИА РАН, 2013. Т. 16. 568 с.

Мимоход Р.А. Кольцевые костяные и роговые пряжки и пряжки/подвески посткатакомбного времени и периодов Вг А1-А2 в Восточной, Центральной и Южной Европе // Труды VI (XXII) Всерос. археол. съезда в Самаре. Самара: СГСПУ, 2020. Т. I. С. 313–315.

Мимоход Р.А., Гак Е.И., Хомутова Т.Э., Рябогина Н.Е., Борисов А.В. Палеоэкология — культурогенез — металлопроизводство: Причины и механизмы смены эпох в культурном пространстве юга Восточной Европы в конце средней — начале поздней бронзы // РА. 2022. № 1. С. 20–34.

Моисеев Н.Б. Курганы Окско-Донской равнины. Тамбов: Компьютерный Центр, 1998. 64 с.

Отрощенко В.В. Феномен кістяних пряжок // Проблеми изучения катакомбной культурно-исторической общности (ККИО) и культурно-исторической общности многоваликовой керамики (КИОМК). Запорожье, 1998. С. 113–117.

Отрощенко В.В. Проблеми періодизації культур середньої та пізньої бронзи півдня Східної Європи: (Культурно-стратиграфічні зіставлення). К.: ІА НАНУ, 2001. 288 с.

Панковский В.Б. О назначении «зубчатых лопаток» // Чтения, посвященные 100-летию деятельности В.А. Городцова в Государственном историческом музее: Тезисы конф. М., 2003. Ч. 1. С. 169–172.

Панковський В.Б. Лолінсько-бабінська дзига // Донецький археологічний збірник. Донецьк: Вид-во Донецького ун-ту, 2012. № 16. С. 77–99.

Панковський В.Б. Щаблі майстрування бабінських пряжок // Донецький археологічний збірник. № 19. Вінниця: Вид-во Донецького ун-ту, 2015. С. 24–57.

Подобед В.А., Усачук А.Н., Цимиданов В.В. Лопатки животных в обрядах культур эпохи бронзы степной и лесостепной Евразии // Түүхийн товчоон. Улаанбаатар: Соембопринтинг, 2015. Т. VIII. С. 127–154.

Пряхин А.Д., Моисеев Н.Б., Беседин В.И. Селезни-2. Курган доно-волжской абашевской культуры / Археологические памятники донского бассейна. Воронеж: ВГУ, 1998. Вып. 3. 44 с.

Рафикова Я.В., Федоров В.К., Усачук А.Н. Коллекция изделий из кости и рога поселения Ново-Байрамгулово-1 // Вопросы археологии Поволжья. Самара: СГСПУ, 2019. Вып. 7. С. 86–150.

Ромашко В.А. Заключительный этап позднего бронзового века Левобережной Украины (по материалам богуславско-белозерской культуры). К.: КНТ, 2013. 592 с.

Савва Е.Н. Пряжки из погребений культуры многоваликовой керамики Днестровско-Прутского междуречья // Известия АН Молдавской ССР. Сер. общественных наук. 1988. № 3. С. 57–68.

Костяные изделия из погребения 9 могильника у горы Березовой...

Савва Е.Н. Культура многоваликовой керамики Днестровско-Прутского междуречья (по материалам погребального обряда). Кишинев: Штиинца, 1992. 226 с.

Сагайдак В.И. Поселения срубной культурно-исторической общности в бассейне р. Битюга // Из истории Воронежского края. Воронеж, 1975. Вып. 5. С. 154–166.

Скоробогатов А.М., Боруцкая С.Б., Килейников В.В., Усачук А.Н. Новые комплексы неординарных погребений доно-волжской абашевской культуры // Археология евразийской лесостепи-степи. Воронеж: Издат. дом ВГУ, 2016. С. 56–73.

Усачук А.Н. Костяной инвентарь поселения у с. Проказино // Древние культуры Подонцовья. Луганск: Луганск: Ред.-издат. отдел облуправл. по печати, 1993. Вып. 1. С. 135–147.

Усачук А.Н. Костяные изделия кургана 1 могильника Селезни-2 (трасологический анализ) // А.Д. Пряхин, Н.Б. Моисеев, В.И. Беседин. Селезни-2. Курган доно-волжской абашевской культуры. (Археологические памятники донского бассейна; Вып. 3). Воронеж: ВГУ, 1998а. С. 31–39.

Усачук А.Н. Результаты трасологического изучения костяных пряжек культуры многоваликовой керамики // Проблемы изучения катакомбной культурно-исторической общности (ККИО) и культурно-исторической общности многоваликовой керамики (КИОМК). Запорожье, 1998b. С. 125–135.

Усачук А.Н. Изделия из кости поселений эпохи поздней бронзы в бассейне Верхнего Дона // Е.И. Гак. Поселения эпохи бронзы на северной окраине донской лесостепи. М.: ГИМ, 2011. С. 202–214.

Усачук А.Н. Глава 11: Костяные изделия поселения Устье I // Древнее Устье. Укрепленное поселение бронзового века в Южном Зауралье. Челябинск: Абрис, 2013а. С. 331–362.

Усачук А.Н. Пряжка из погребения 3 кургана 1 могильника Угледар // Археологический альманах. Донецк: Изд-во «Донбас», 2013b. № 30. С. 172–178.

Усачук А.Н. Поясные пряжки из погребений Второго Липецкого кургана: (Технология изготовления и реконструкция использования) // Archaeoastronomy and Ancient Technologies. 2015. 3 (1). С. 28–41.

Усачук А.Н. Глава 3: Костяные и роговые изделия из погребений кургана 2 Липецкого могильника // Липецкий курган — памятник элиты доно-волжской абашевской культуры. Липецк; Воронеж: Новый взгляд, 2016. С. 23–34. (Научные труды ООО НПО «Черноземье»; Вып. 4).

Усачук А.Н., Литвиненко Р.А. Технология изготовления пряжек культуры многоваликовой керамики // Доба бронзи Доно-Донецького регіону: (Матеріали 3-го Українсько-Російського польового археологічного семінару). К.; Вороніж; Перевальськ, 1997. С.46–50.

Усачук А.Н., Литвиненко Р.А. Об изготовлении пряжек эпохи бронзы // Доба бронзи Доно-Донецького регіону: (Матеріали 5-го Українсько-Російського польового археологічного семінару). К.; Вороніж, 2001. С. 109–114.

Усачук А.Н., Панасюк Н.В. Некоторые аспекты использования астрагалов в погребальном обряде эпохи ранней и средней бронзы // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Всеобщая история. 2014. № 4. С. 34–46.

Халяпин М.В. Первый бескурганый могильник синташтинской культуры в Степном Приуралье // Бронзовый век Восточной Европы: Характеристика культур, хронология и периодизация: Материалы междунар. науч. конф. «К столетию периодизации В.А. Городцова бронзового века южной половины Восточной Европы». Самара: НТЦ, 2001. С. 417–425.

Халяпин М.В. Погребение литейщика эпохи бронзы с территории Степного Приуралья // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. Уральск: Западно-Казахстанский обл. центр истории и археологии, 2005. Вып. 4. С. 203–217.

Цимиданов В.В. Знаки на астрагалах из срубных погребений Донетчины // Музей в XXI столетии: Подготовительные материалы междунар. науч. конф. Донецк: ДОКМ, 1998. С. 2–4.

Цимиданов В.В. Астрагалы в погребениях степных культур Восточной Европы эпохи поздней бронзы и раннего железа // Археологический альманах. Донецк, 2001. № 10. С. 215–248.

Цимиданов В.В., Чаур Н.А. Погребения с астрагалами срубной культурно-исторической общности // Древности Подонцовья. Луганск: Осирис, 1997. С. 50–61.

Choyke A.M. The Bone is the Beast: Animal Amulets and Ornaments in Power and Magic // Anthropological Approaches to Zooarchaeology: Complexity, Colonialism, and Animal Transformations. Oxford: Oxbow Books, 2010. P. 197–209.

Tallgren A.M. La Pontide préscythique après l'introduction des métaux // ESA. Helsinki, 1926. Vol. II. 248 p.

ИСТОЧНИКИ

Бочкарев В.С. Костяные бляхи эпохи бронзы степей Восточной Европы // Личный архив В.С. Бочкарева. Рукопись. 1963–1964. 23 л.

Мимоход Р.А. Костяные и роговые пряжки и пряжки/подвески посткатакомбного времени и периодов VзА в Восточной, Центральной и Южной Европе или конвергенция минус // ВАС 2022. [Электронный ресурс] Электрон. видео дан. <https://www.youtube.com/watch?v=ds4dK5L96FI&t=2242s>. (00:03:25–00:34:03).

Bone items from burial No. 9 of the cemetery near the Berezovaya Mountain (traceological analysis and the search for analogies)

In this article, we analyze bone products from the male burial No. 9 of the cemetery near the Berezovaya Mountain (Orenburg District of the Cis-Ural region) attributed to the Sintashta Culture (20th–18th centuries BC). The funerary complex is specifically interesting because it combines the ritual and inventory of representatives of the Seima-Turbino phenomenon and items belonging to chariot cultures. Furthermore, an item rare for the cultures of the chariot circle of the Ural region was placed in the burial — a disc-shaped bone buckle. The aim of this work is to find an analogy for this buckle and for other bone items of the complex using traceology data. The buckle was traceologically processed on 31st July 2002 in the campus of the Orenburg archaeological expedition two days after its discovery; at the same time its drawing was made. An astragalus and a fragment of the articular angle of the animal's scapula, both having been placed within the burial, were also analysed. Due to field conditions, a portable contact microscope "Mikko" was used. The main focus of this work is the buckle. The results of the traceological analysis are being introduced into the scientific discourse. Besides, for the first time this article presents the results of traceological study of a similar object from burial mound 27 near the city of Atkarsk. A total of 15 buckles with similar morphology have been analyzed, 11 of them have traceological definitions. A fragment of the product of the same type was only once identified in the Sintashta necropolis (grave 30 of the Sintashta burial ground); the majority of similar items derive from the sites of the Abashev Culture of the Volga-Don region. It has been revealed that the analyzed artifacts could have been used as both belt buckles and ornaments/amulets. The artifact from the burial ground near the Berezovaya Mountain is most likely a buckle, judging by its size and the size of the central hole. The discovery of a buckle typologically characteristic of the Don-Volga Abashevo Culture in the Sintashta Culture necropolis demonstrates the western connections of the population who left the site. The astragalus found in the burial could have been used as a fortune-telling/dice object. The functional purpose of the articular angle of the animal's scapula has not been determined — no analogies have been found for it, though a possible circle of analogies has been outlined.

Keywords: Orenburg Pre-Urals, Sintashta Culture, Don-Volga Abashev Culture, bone buckle, trace analysis, astragalus, animal shoulder blade.

Acknowledgments. The authors thank V.S. Bochkarev for the opportunity to work with his personal handwritten archive.

Funding. The research was supported by the Russian Science Foundation grant No. 23-68-10006 "Ethnocultural processes in the Bronze and Early Iron Age in the light of interdisciplinary research in the Southern Cis-Urals".

REFERENCES

- Androsov, A.V. (1984). About one of the categories of tools of the Bronze Age. In: *Problemy arheologii Podneprov'ya III–I tys. do n.e.* Dnepropetrovsk, 97–105. (Rus.).
- Arzyutov, N.K. (1936). Atkar burial mound, excavations 1928–30. In: *Izvestiya Saratovskogo Nizhnevolzhskogo Instituta Kraevedeniya im. M. Gor'kogo. T. 7.* Saratov: Saratovskoe kraevoe izd-vo, 86–101. (Rus.).
- Bratchenko, S.N. (1985). Multi-roller Ware culture. In: *Arheologiya Ukrainskoj SSR. T. 1: Pervobytnaya arheologiya.* Kiev: Naukova dumka, 451–458. (Rus.).
- Choyke A.M. (2010). The Bone is the Beast: Animal Amulets and Ornaments in Power and Magic. In: *Anthropological Approaches to Zooarchaeology: Complexity, Colonialism, and Animal Transformations.* Oxford: Oxbow Books, 197–209.
- Cimidanov, V.V., Chaur, N.A. (1997). Burials with astragalus of the Srubnaya culture and historical community. In: *Drevnosti Podoncov'ya.* Lugansk: Osiris, 50–61. (Rus.).
- Cimidanov, V.V. (1998). Signs on astragalus from the burials of the Srubnaya culture of Donetsk region. In: *Muzej v HKHI stolitii: Podgotovitel'nye materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii.* Doneck: DOKM, 2–4. (Rus.).
- Cimidanov, V.V. (2001). Astragalus in the burials of the steppe cultures of Eastern Europe of the Late Bronze and Early Iron Eras. In: *Arheologicheskij al'manah,* (10). Doneck, 215–248. (Rus.).
- Epimachov, A.V. (2005). Early complex societies of the North of Central Eurasia (based on the materials of the Stone Barn-5 burial ground). Chelyabinsk: Chelyabinskij dom pečati. (Rus.).
- Gak E.I. (2011). Settlements of the Bronze Age on the northern outskirts of the Don forest-steppe. Moscow: GIM. (Rus.).
- Gening, V.F., Zdanovich, G.B., Gening, V.V. (1992). *Archaeological monuments of Aryan tribes of the Ural-Kazakhstan steppes.* Part 1. Chelyabinsk: Yuzhno-Ural'skoe knizhnoe izdatel'stvo. (Rus.).
- Grishchuk, O.M. (2013). Astragalus as an element of the funeral rite of the population of the Dnieper-Don Babyn culture. In: *Donec'kij arheologichnij zbirnik,* (17). Donec'k: Vid-vo Donec'kogo un-tu, 24–34. (Ukr.).
- Kalmykov, A.A., Mimokhod, R.A. (2005). Buckles and pendants for belts made of horn and bone of the Lolin culture. In: *Materialy ta doslidzhennya z arheologii Ckhidnoi Ukraini,* (4). Lugansk: Vid-vo SNU im. V. Dalya, 201–234. (Rus.).
- Khalyapin, M.V. (2001). The first burial ground of the Sintashta culture in the Steppe Pri-Urals. In: *Bronzovyy vek Vostochnoj Evropy: Charakteristika kult'ur, hronologiya i periodizaciya: Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii «K stoletiyu periodizacii V.A. Gorodcova bronzovogo veka yuzhnoj poloviny Vostochnoj Evropy».* Samara: NTC, 417–425. (Rus.).
- Khalyapin, M.V. (2005). Burial of a Bronze Age caster from the territory of the Steppe Pri-Urals. In: *Voprosy istorii i arheologii Zapadnogo Kazahstana,* (4). Ural'sk: Zapadno-Kazahstanskij oblastnoj centr istorii i arheologii, 203–217. (Rus.).
- Korenevskij, S.N. (2011). The phenomenon of power and its symbols on the long road to statehood: (Theory and practice of research). In: *Stratum plus,* (2), 143–166. (Rus.).

* Corresponding author.

Костяные изделия из погребения 9 могильника у горы Березовой...

- Kovaleva, I.F. (1990). Burials of the Srubnaya culture with sets of astragalus. In: *Issledovaniya po arheologii Podneprov'ya*. Dnepropetrovsk: Izd-vo Dnepr. un-ta, 59–71. (Rus.).
- Kupriyanova, E.V., Zdanovich, D.G. (2015). Antiquities of the forest-steppe Trans-Urals: Burial ground Stepnoe VII. Chelyabinsk: Enciklopediya (Rus.).
- Kuptsova, L.V., Khalyapin, M.V. (2023). Burials with Seimin-Turbin inventory from the Orenburg Urals: Chronological, paleodietic and migration aspects. *Arheologiya Evrazijskih stepej*, (3), 235–248. (Rus.). <https://doi.org/10.24852/2587-6112.2023.3.235.248>
- Litvinenko, R.A. (2001). About the so-called "belt buckles" in the monuments of the Bronze Age of the Volga-Ural. In: *XV Ural'skoe arheologicheskoe soveshchanie: Tezisy dokladov mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii*. Orenburg: Orenburgskaya guberniya, 90–93. (Rus.).
- Litvinenko, R.A. (2004). "Buckles" and charioteering: The problem of correlation. In: *Materialy ta doslidzhennya z arheologii Skhidnoi Ukraini*, (2). Lugans'k: Vid-vo SNU im. V. Dalja, 257–290. (Rus.).
- Litvinenko, R.O. (2005). Burial of the Babino cultural circle with astragalus. In: *Drevnosti 2005*. Har'kov: HIAO: NMC «MD», 74–86. (Ukr.).
- Markov, S.S. (2002). Astragalus in the funeral rites of the Bronze Age of the Southern. *Vestnik Obshchestva otkrytyh issledovanij drevnosti: Nauchnyj al'manah*, (1). Chelyabinsk, 39–48. (Rus.).
- Matveev, Yu.P. (1996). Bone buckles and relative chronology of Bronze Age cultures of the Donetsk-Volga region. In: *Dono-Donckij region v sisteme drevnostej epohi bronzy vostochnoevropskoj stepi i lesostepi: Tezisy dokladov i materialy konferencii*. Voronezh: Izd-vo Voronezh. un-ta, 27–33. (Rus.).
- Mel'nikov, E.N. (2003). Pokrovsko-Abashevsky burial mounds near the village of Bolshaya Plavitsa. In: *Abashevskaya kul'turno-istoricheskaya obshchnost': Istoki, razvitie, nasledie: Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii*. Cheboksary, 239–247. (Rus.).
- Mimokhod, R.A. (2013). Lolin culture. The North-Western Caspian Sea at the turn of the Middle and late periods of the Bronze Age. In: *Materialy ohrannyh arheologicheskijh issledovanij. T. 16*. Moscow: IA RAN. (Rus.).
- Mimokhod, R.A. (2020). Ring bone and horn buckles and buckles/pendants of post-catacomb time and periods Br A1–A2 in Eastern, Central and Southern Europe. In: *Trudy VI (XXII) Vserossijskogo arheologicheskogo s'ezda v Samare. T. 1*. Samara: SGSPU, 313–315. (Rus.).
- Mimokhod, R.A., Gak, E.I., Khomutova, T.E., Ryabogina N.E., Borisov A.V. (2022). Paleoeecology — Cultural genesis — Metal production: Causes and mechanisms of the Change of Epochs in the Cultural space of the South of Eastern Europe in the Late Middle — Early Late Bronze Age. *Rossiskaya arkheologiya*, (1), 20–34. (Rus.).
- Mimokhod, R.O. (2011). Bone and horn buckles of the mid — early Late Bronze Age in Eastern Europe and the Caucasus as chronological indicators and evidence of cultural contacts. In: *Materiali ta doslidzhennya z arheologii Ckhidnoi Ukraini*, (11). Lugans'k: Vid-vo SNU im. V. Dalja, 201–216. (Ukr.).
- Moiseev, N.B. (1998). *Mounds of the Oka-Don plain*. Tambov: Komp'yuternyj Centr, 1998. (Rus.).
- Otroshchenko, V.V. (1998). The phenomenon of bone buckles. In: *Problemy izucheniya katakombnoj kul'turno-istoricheskij obshchnosti (KKIO) i kul'turno-istoricheskij obshchnosti mnogovalikovoj keramiki (KIOMK)*. Zaporozh'e, 113–117. (Ukr.).
- Otroshchenko, V.V. (2001). Problems of periodization of middle and Late Bronze Age cultures in Southern Eastern Europe: (Cultural and stratigraphic comparisons). Kyiv: IA NANU. (Ukr.).
- Pankovskij, V.B. (2003). About the purpose of "toothed Shoulder blade". In: *Chteniya, posvyashchennye 100-letiyu deyatel'nosti V.A. Gorodcova v Gosudarstvennom Istoricheskom muzee: Tezisy konferencii. Chast' 1*. Moscow, 169–172. (Rus.).
- Pankovskij, V.B. (2012). Lolinsky-Babinsky spinning top. In: *Donec'kij arheologichnij zbirnik*, (16). Donec'k: Vid-vo Donec'kogo un-tu, 77–99. (Ukr.).
- Pankovskij, V.B. (2015). Stages of making buckles of Babin culture. In: *Donec'kij arheologichnij zbirnik*, (19). Vinnicya: Vid-vo Donec'kogo un-tu, 24–57. (Ukr.).
- Podobed, V.A., Usachuk, A.N., Cimidanov, V.V. (2015). Animal shoulder blades in the rituals of the Bronze Age cultures of Steppe and forest-steppe Eurasia. In: *Tyyhijntovchoon*, 8. Ulaanbaatar: Soyomboprinting, 127–154. (Rus.).
- Pryahin, A.D., Moiseev, N.B., Besedin, V.I. (1998). Selezni-2. Kurgan of the Don-Volga Abashevo culture. In: *Arheologicheskie pamyatniki donskogo bassejna*, (3). Voronezh: VGU. (Rus.).
- Rafikova, Ya.V., Fedorov, V.K., Usachuk, A.N. (2019). Collection of bone and horn products from the village of Novo-Bayramgulovo-1. In: *Voprosy arheologii Povolzh'ya*, (7). Samara: SGSPU, 86–150. (Rus.).
- Romashko, V.A. (2013). *The final stage of the Late Bronze Age of Left-Bank Ukraine (based on the materials of the Boguslav-Belozersk culture)*. Kiev: KNT. (Rus.).
- Sagajdak, V.I. (1975). Settlements of the srubnaya cultural and historical community in the basin of the Bityuga river. In: *Iz istorii Voronezhskogo kraja*, (5). Voronezh, 154–166. (Rus.).
- Savva, E.N. (1992). *Culture of Multi roller ceramics of the Dniester-Prut interfluve (based on the materials of the funeral rite)*. Kishinev: Shtiinca. (Rus.).
- Savva, E.N. (1998). Buckles from the burials of the Multi roller ceramics culture of the Dniester-Prut interfluve. In: *Izvestiya AN Moldavskoj SSR. Seriya obshchestvennyh nauk*, 57–68. (Rus.).
- Skorobogatov, A.M., Boruckaya, S.B., Kilejnikov, V.V., Usachuk, A.N. (2016). New complexes of extraordinary burials of the Don-Volga Abashev culture. In: *Arheologiya evrazijskoj lesostepi-stepi*. Voronezh: Izdatel'skij dom VGU, 56–73. (Rus.).
- Tallgren, A.M. (1926). Persephic Pontid after the introduction of metals. In: *ESA*, II. Helsinki.
- Usachuk, A.N. (1993). Bone inventory of the settlement near the village of Prokazino. In: *Drevnie kul'tury Podoncov'ya*, (1). Lugansk: Red.-izdat. otdel oblupravl. po pečati, 135–147. (Rus.).
- Usachuk, A.N. (1998a). Bone products from the burial mound 1 of the Drake-2 burial ground (tracological analysis). In: A.D. Pryahin, N.B. Moiseev, V.I. Besedin (Eds.). *Selezni-2. Kurgan dono-volzhskoj abashevskoj kul'tury*. Voronezh: VGU, 31–39. (Rus.).

Usachuk, A.N. (1998b). The results of the tracological study of bone buckles of the culture of the Multi roller ceramics. In: *Problemy izucheniya katakombnoj kul'turno-istoricheskoy obshchnosti (KKIO) i kul'turno-istoricheskoy obshchnosti mnogovalikovoj keramiki (KIOMK)*. Zaporozh'e, 125–135. (Rus.).

Usachuk, A.N. (2011). Bone products from Late Bronze Age settlements in the Upper Don Basin. In: E.I. Gak (Ed.). *Poseleniya epohi bronzы na severnoj okraїne donskoj lesostepi*. Moscow: GIM, 202–214. (Rus.).

Usachuk, A.N. (2013a). Chapter 11: Bone products of the settlement of Ustye I. In: *Drevnee Ust'e. Ukreplennoe poselenie bronzovogo veka v Yuzhnom Zaural'e*. Chelyabinsk: Abris, 331–362. (Rus.).

Usachuk, A.N. (2013b). Buckle from burial 3 burial mounds 1 burial ground Ugledar. In: *Arheologicheskij al'manah*, (30). Doneck: Izd-vo «Donbas», 172–178. (Rus.).

Usachuk, A.N. (2015). Belt buckles from the burials of the Second Lipetsk kurgan: (Manufacturing technology and reconstruction of use). In: *Archaeoastronomy and Ancient Technologies*, 3(1), 28–41. (Rus.).

Usachuk, A.N. (2016). Chapter 3: Bone and horn products from the burials of kurgan 2 of the Lipetsk burial ground. In: *Lipeckij kurgan — pamyatnik elity dono-volzhskoj abashevskoj kul'tury*. Lipeck; Voronezh: Novyj vzglyad, 23–34. (Rus.).

Usachuk, A.N., Litvinenko, R.A. (1997). Technology of manufacturing buckles of Multi Roller ceramics culture. In: *Doba bronzы Dono-Donec'kogo regionu: (Materiali 3-go Ukraїns'ko-Rosijs'kogo pol'ovogo arheologichnogo seminaru)*. Kyiv: Voronizh: Pereval's'k, 46–50. (Rus.).

Usachuk A.N., Litvinenko R.A. (2001). About the manufacture of Bronze Age buckles. In: *Doba bronzы Dono-Donec'kogo regionu: (Materiali 5-go Ukraїns'ko-Rosijs'kogo pol'ovogo arheologichnogo seminaru)*. Kyiv; Voronizh, 109–114. (Rus.).

Usachuk, A.N., Panasyuk, N.V. (2014). Some aspects of the use of astragalus in the funeral rite of the Early and Middle Bronze Age. In: *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya Vseobshchaya istoriya*, (4). Moscow, 34–46. (Rus.).

Vasilenko, A.I. (2005). Reconstruction of fastening and purpose of buckles of the Middle — Late Bronze Age (in connection with the tracological studies of A.N. Usachuk). In: *Problemy epohi bronzы Velikoj Stepі*. Lugansk: Globus, 71–110. (Rus.).

Усачук А.Н., <https://orcid.org/0000-0002-1028-1884>

Купцова Л.В., <https://orcid.org/0000-0002-3171-6760>

Сведения об авторах:

Усачук Анатолий Николаевич, кандидат исторических наук, специалист Отдела сохранения археологического наследия, Институт археологии РАН, Москва.

Купцова Лидия Владимировна, кандидат исторических наук, заведующая археологической лабораторией, Оренбургский государственный педагогический университет, Оренбург.

About the authors:

Usachuk Anatoly N., Candidate of Historical Sciences, Specialist of the Department of Preservation of Archaeological Heritage, Institute of Archaeology RAS, Moscow.

Kuptsova Lidiya V., Candidate of Historical Sciences, Head of the Archaeological Laboratory of the Orenburg State Pedagogical University, Orenburg.

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 28.09.2023

Article published: 15.03.2024